

О МОРФОНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В СТРУКТУРЕ ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИХ ИМЕННЫХ СЛОВСОСЛОЖЕНИЙ

Сложное переплетение фонологических, морфологических, синтаксических факторов определяет специфику немецкого именного словосложения в историческом разрезе.

В исследовании данного языкового материала невозможно ограничиться традиционными методами описания, используемыми в области словообразования. Для этой цели мы решили применить наиболее эффективную для диахронических изысканий методику морфонологического процессуального анализа [Мигачёв, 1990, 62], синтезирующую в себе как понятие системы, так и понятие диахронического развития.

Предметом нашего рассмотрения являются древневерхненемецкие соединения 8-10 вв., образованные по типу „существительное+существительное”. Древние сложения отличаются от сложных существительных современного немецкого языка, прежде всего, по своей структуре. Материал раннего древневерхненемецкого языка показывает, что характерной особенностью этого периода являются промежуточные элементы-соединительные гласные-а-, -о-, -і-, -и-, регулярно появляющиеся на стыке основ древних соединений. При распределении данных вокалических элементов в составе сложных слов нельзя выделить единый принцип, обусловленный либо чисто морфологическими, либо чисто фонологическими факторами.

Морфонологическая процессуальная реконструкция позволяет представить эволюцию древнего именного словосложения как сложный процесс взаимодействия фонологического и морфологического уровней.

Первоначально, морфологическая характеристика формы — основообразующий суффикс, маркировавший первый компонент по его принадлежности определённому разряду основ, привлекается в структуру сложений языковой системой в чисто фонологических целях: для предотвращения возникновения труднопроизносимых консонантных кластеров на стыке морфем [Макаев, Кубрякова, 1971:209]. Подтверждением данному положению является собранный нами композитный материал, который в 24% случаев демонстрирует полное соответствие соединительного гласного в структуре сложения основообразующему суффиксу именной основы первого компонента. Например:

а-основы:

asca-pah, taga-thing;

ō-основы:

beto-man;

i-основы:

hrucki-pein, wini-scaf.

О подобных соответствиях красноречиво свидетельствует группа композитов с промежуточным элементом *-u-*, который появляется в положении только после *u*— основ. Например:

witu-vina, hugu-lust, fihu-stërbo.

Привлекаясь в состав сложного слова в чисто фонологических целях и при соответствующих морфологических условиях, основообразующие суффиксы теряют в этом положении свою первичную формообразовательную функцию, которая отступает на второй план, и превращаются в некую структурную прокладку, несущую особую словообразовательную функцию. Реально незначимые с точки зрения морфологии, данные промежуточные элементы представляют собой в этой языковой ситуации чередование отдельных фонем в рамках одной и той же морфемы (морфемы стыка). Все они семантически равнозначны. Это обстоятельство позволяет морфологическому уровню иницировать процесс унификации фонологического облика морфемы стыка по всему словообразовательному ряду. «Это явление должно рассматриваться как морфонологический объект. Оно не может быть объяснено ни морфологически, ни фонологически. Это результат действия морфонологических связей и процессов» [Мигачёв, 1990, 94]. Этот процесс мы узнаём в явлении известной универсализации соединительного гласного *-a-*, появление которого в 23% случаев не обусловлено типом основы первого компонента. Использование гласного *-a-* в структуре сложений с одной стороны имеет грамматическую обусловленность: соотнесённость с формой слова при самостоятельном употреблении (*jō*-основы: *hella-grunt*, *n*-основы: *ouga-tora*), а с другой стороны — может быть объяснено действием фонетических законов (корневые основы: *mana-heitic*, *i*-основы: *slaga-hamar*).

Употребление гласного *-i-* в составе сложений с первым компонентом *ja-* или *jō*-основой, имевшее грамматическое обоснование (*helli-rūna*, *fenni-stats*) дополняется появлением данного гласного в таких композитах, где возможна только фонологическая трактовка (*u*-основы: *sigi-kampf*, *ō*-основы: *pigi-boum*).

Однако морфология в данном процессе достаточно активна и не позволяет фонологическим ассимиляциям перестроить словообразовательный ряд. Вторичная диакритическая функция морфемы стыка как маркера типа основы первого компонента сложения в див. языках сохраняет в определённой степени значимость в именном склонении древнегерманских языков, благодаря наличию в данный период диахронического развития соответствующих морфологических условий (словоизменительная система в ранний див. период ещё определялась характером именной или гла-

гольной основы). Направленность фонологических и морфологических потенциалов, обусловленная наличием морфологических опор, в данном процессе однолинейна. Морфология охраняет свою словообразовательную оппозицию от фонетических ассимилятивных процессов, сохраняя тем самым ее маркированность. Морфонологические процессы скорректировали систему именного словосложения, сделав её более стабильной и регулярной, превратив многочленную оппозицию в четырехчленную. Существование такой оппозиции находит своё крайнее выражение в явлении так называемых парадигматических словообразовательных рядов, где совершенно идентичных композитах возможно употребление различных соединительных гласных. Например:

| | |
|------------|------------|
| hella-wîzi | nahta—gala |
| helli-wîzi | nahti—gala |
| | nahte-gala |

Основообразующие суффиксы путем фонологической унификации и развития новых дополнительных диакритик этих единиц преобразуются в СЭ, т. н. соединительные гласные, которые начинают выполнять в составе композита свои новые структурные функции: предотвращение возникновения труднопроизносимых сочетаний звуков внутри сложного слова; соединение компонентов сложного слова воедино; образование оппозиции и сохранение целостности парадигмы.

Литература

1. Макаев Э.А., Кубрякова Е.С. О морфологическом статусе основообразующих элементов в готском языке.— М, 1971.
2. Мигачёв В. А. Проблемы диахронической морфонологии германских языков.— Белгород, 1990.

*М.А.МУСЛИМОВА,
Е.В.БОНДАРЕНКО
г. Белгород*

СТРУКТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДВУХ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ

Языковые системы представляют собой частный случай самоорганизующихся систем. Взаимосвязь среды и системы можно считать одной из важнейших особенностей функционирования систем, их внешней характеристикой, которая в значительной степени определяет ее свойства, т.е. внутренние характеристики.

Целостность системы это важнейшее ее свойство, обеспечивающее „жизнедеятельность“. Поддержание внутреннего равновесия, целостности является необходимым условием для системы. Только при соблюдении этого условия система будет способна функционировать и выполнять